

ШКОЛА БЫВАЛЬСКОГО

Пётр БЫВАЛЬСКИЙ, педагог

ЕСТЕСТВЕННО-ГОЛОВОЛОМНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Несмотря на триумфальное шествие Единого государственного экзамена (ЕГЭ), пока ещё не дошедшего до Москвы, сводки о «боях» местного значения не утешительны. Выпускные экзамены всегда вздымали школу на дыбу, но то, что творится в связи со сдачей ЕГЭ, не имеет прецедентов.

Возможно, масла в огонь подлили заявления противников этого нововведения, утверждающих, что в прошлом году все вопросы ЕГЭ появились в Интернете за несколько дней до намеченного испытания. Не знаю, удалось ли «перекрыть» всемирную сеть, но коллеги из Сибири с удивлением и священным ужасом рассказывали мне о том, в каком осадном положении оказались их школы во время сдачи Единого государственного экзамена. Детям приходилось пробираться через тройные заслоны. На дежурство мобилизовали всех: от местной милиции до МЧС. Очень томительным не только для выпускников, но и для педагогов оказалось ожидание результатов. Они же вполне вписались в среднестатистические: средний балл по ЕГЭ этого года — 50,4. Напомню, что наивысший — 100, но его, как показывает статистика, получает один из десяти тысяч школьников. Но всё-таки самым обидным оказалось не это. К разочарованию всех выяснилось, что гора родила мышь, что страхи и переживания были напрасны, так как только два вуза во всей области согласились признать результаты ЕГЭ и по ним принимать выпускников школ на свои факультеты. Естественно, что в эти вузы выстроилась огромная очередь из сотен выпускников с одинаковыми результатами злополучного экзамена. Что с ними делать и кого из них принимать в отнюдь не резиновые вузы — никто не знает. Ректораты институтов в растерянности, ребята чувствуют себя обманутыми, а инициаторы эксперимента бодро рапортуют об очередной удаче.

Наклонность противоречия нередко в ошибки ввести может.

Меньше других пострадали немногочисленные вузы, которые вовремя включились в этот эксперимент и получили полный карт-бланш. При наличии множества совершенно одинаковых (по количеству набранных баллов) свидетельств никто не помешал этим вузам устроить негласный «конкурс кошечек» с последующим лоббированием интересов наиболее понятливых абитуриентов. Похоже, что авторы эксперимента сдают яростно защищаемые позиции вместе с распространением ЕГЭ по стране. Если раньше было принято считать, что этот эксперимент очистит образование от взяток и вернёт стране миллиард долларов, который на них тратится, то сегодня, словно очнувшись от стойких заблуждений, сторонники единого экзамена признают, что положение со взятками вряд ли изменится. Вспомнили, видно, Ломоносова, утверждавшего, что если где что убудет, то в другом месте обязательно прибудет. Так что деньги, скорее всего, переместятся к репетиторам по ЕГЭ и в карманы экзаменаторов.

Ажиотаж вокруг, да и антураж самого экзамена наглядно показали, что дело не в том, один или два экзамена отбирают здоровье у наших детей. Проблема глубже. Она в том, как принципиально перестроить сами испытания. Пока же экзамен больше похож на допрос с пристрастием, чем на спокойную и уважительную беседу двух коллег, один из которых опытен и больше знает в обсуждаемой области. Такое доброжелательное собеседование уже невозможно на ЕГЭ и, к сожалению, редко возникает при традиционной форме сдачи экзаменов. Опираясь на собственный опыт, хочу подчеркнуть одно: атмосфера, царящая на испытании, может снять естественный в этом случае стресс или значительно усилить его, лишив экзаменуемых способности соображать и извлекать из памяти даже то, что они хорошо знают. И тот факт, что единый экзамен становится фактором, решающим судьбу молодого человека на всю жизнь, многократно увеличивает получаемый от него стресс. Но, похоже, это уже никого не волнует. Число желающих включиться в эксперимент растёт не по дням, а по часам.

Этот необъяснимый на первый взгляд феномен не столь уж и загадочен. Министерство образования нашло верный путь к сердцам областных управленцев с помощью старого испытанного «пряника». В этом качестве использована компьютерная техника, которая щедро выделяется центром для проведения эксперимента. Самое замечательное, что всё оборудование поступает затем в полное и бессрочное распоряжение регионального управления образованием. На этом радужном фоне блекнут здравые рассуждения о целесообразности или вреде ЕГЭ. В педагогическом сообществе к нему относятся как к чему-то не до конца понятному, возможно и вредному, но уже совершенно неотвратимому. Встаёт только вопрос о промежуточной аттестации учащихся, хотя возможность её влияния на результаты ЕГЭ не обсуждается.

Незрелый ананас всегда хуже зрелой смородины.

Очевидно, что уровень требований, предъявляемых к абитуриенту учреждениями начального, среднего, специального и высшего профессионального образования на приёмных экзаменах, не может быть выше уровня, установленного государственным стандартом общего образования для выпускников соответствующих ступеней общеобразовательных учреждений. Но когда, а самое главное — какой стандарт будет принят и что делать до его принятия?

Более того, ЕГЭ придётся как-то увязывать с профильной школой. Значит, надо будет определять как минимум два уровня сложности ЕГЭ — для выпускников профильных и непрофильных школ и классов. Как это делать — пока неясно никому, потому что с формальной точки зрения профильной школы не существует, но в реальности есть гимназии и лицеи, где обучение и профильная подготовка детей очень отличаются от уровня подготовки в общеобразовательных школах. **Правомерен и другой вопрос: а есть ли необходимость заставлять всех выпускников поголовно сдавать ЕГЭ? Может быть, предложить делать это только тем, кто стремится попасть в вузы, а для остальных проводить традиционные экзамены?**

Сами результаты и итоговый средний балл ЕГЭ скорее настораживают, чем успокаивают. Ведь как уже отмечалось, максимальное количество баллов набирает только один из десяти тысяч выпускников. Можно сомневаться в качестве экзаменационного материала, но стоит подумать и о качестве обучения. Может быть, следует организовать аттестацию на промежуточных этапах — после окончания начальной и средней школы? Или мы предвидим и заранее боимся результатов, которые можем получить?

Пока что приходится констатировать, что обсуждение результатов Единого государственного экзамена поставило перед нами столько вопросов, что отвечать на них придётся долгие годы.

ЗА ВСЁ В ОТВЕТЕ

Несмотря на бодрые рапорты, которыми принято сопровождать результаты Единого государственного экзамена, он ожидаемо высветил самую большую проблему нашего образования. На одной из своих пресс-конференций о ней сказал и министр образования Владимир Филиппов. Его спросили, доволен ли он математической подготовкой, которую дала школа его сыну. Министр откровенно признал, что для поступления в институт его чаду пришлось заниматься дополнительно.

Риторический вопрос о том, разная ли математика в разных вузах, имеет под собой вполне реальную почву. Похоже, что школа не учит математике или физике, не учит историческому анализу и не прививает вкус к хорошей литературе, а учит решению определённого класса задач, а также воспроизведению исторических или литературоведческих клише. Это, может быть, и имеет некоторое отношение к выше перечисленным предметам, но совсем не исчерпывает их сущность. Увы, наша школа не учит мыслить соответствующими категориями и с их помощью находить необходимые решения.

Именно это, похоже, имеют в виду представители вузов, когда говорят, что во время

вступительных экзаменов уровень требований к абитуриентам не выходит за рамки школьной программы. Может быть, и не выходит, но здесь я приведу показательные примеры. Вот сюжет, показанный по главному телеканалу страны. Растерянная учительница сетовала перед телекамерой, что готовила своих детей к ЕГЭ по одному учебнику физики «и всё по нему прорешала», а экзаменационные билеты, оказывается, составили по другому учебнику и дети оказались беспомощны. Чему же тут удивляться? Они научились решать только определённые задачи, но не умеют пользоваться для ответа на поставленные перед ними вопросы известными им физическими закономерностями. О другом случае мне поведала коллега из поволжского города. По её мнению, с историей дело обстоит ещё хуже, чем с математикой. Мало того, что разные учебники по разному трактуют одни и те же события, но ведь и в их датировке, о которой спрашивают в ходе ЕГЭ, «в товарищах согласия нет». Это и обнаружила моя коллега, открыв два учебника по истории. По одному она преподавала, а по другому составлялись вопросы. Получается, что наша школа сегодня учит одному, а на выходе от её выпускников требуется совершенно другое, чему она их научить пока не в состоянии.

Человек! Возведи взор свой от земли к небу, — какой, удивления достойный, является там порядок!

Есть неприятное ощущение, что все участники образовательного процесса замерли в ожидании взмаха волшебной палочки, которая разрешит возникшие противоречия и позволит вмиг модернизировать нашу многострадальную школу. Имя этой волшебной палочки — образовательные стандарты. Вера в их исцеляющую силу у педагогов столь велика, что обсуждению подвергаются уже не столько сами стандарты, сколько сопутствующие им вопросы.

Один из самых опасных и противоречивых — **вопрос о механизмах ответственности школы за низкий уровень знаний учащихся**. Показательна здесь сама постановка вопроса: не о том, как создать условия в самой школе для реализации предложенных ей сверху новшеств, а — как проконтролировать их реализацию? Наша школа, построенная и до сих пор действующая по советскому образцу, не стала хуже. Она работает с прежней отдачей, но требования к ней, названные расплывчатым термином «социальный заказ», изменились. Именно поэтому на выходе из школы к выпускникам предъявляются совсем иные претензии, чем двадцать или даже десять лет назад. Стандарты, возможно, помогут сформулировать новые требования, но они не создадут механизма их реализации, а следовательно, вряд ли оправданы ожидания скорых качественных изменений в образовании.

Уже сегодня довольно сложно адекватно определить существующие различия между «инновационными» и обычными школами, между «плохой» и «хорошей» подготовкой старшеклассников, между «профессиональным» и «непрофессиональным» учителем. Некому предъявить и претензии за некачественное образование. Ответственная за это государственная аттестационная служба существует только на бумаге. Отдельный сюжет в этой истории связан с выработкой критериев и показателей, по которым можно судить об уровне образовательной подготовки.

В проекте закона «О государственном стандарте» предусмотрен только один показатель, который должен помочь родителям определить эффективность той или иной школы. Пока в законе записано: «Родители имеют право ознакомиться с результатами итоговой аттестации выпускников за последние три года». Эта норма недостаточна и мало что проясняет. Конечно, она может быть расширена. Например, родители должны получить право познакомиться с ежегодными отчётами школ учредителям, в которых будут зафиксированы не только данные о поступлении и расходовании финансовых, материальных средств, но также о количестве выпускников школы, поступивших в вузы.

Можно предложить и более радикальные меры. Например, ученикам и родителям ежегодно оценивать учебный процесс, качество преподавания, а обобщённые результаты оценивания вывешивать на стендах в школах, в местах, где каждый может с ними познакомиться.

Коэффициент счастья в обратном содержании к достоинству.

Но пока что подобные формы оценки и контроля действуют только в частных вузах, где

ректорат вынужден отчитываться перед теми, кто платит. Такая «открытость» перед общественностью стала для платных вузов формой конкурентной борьбы и одним из рекламных приёмов. «Бесстрашие» образовательных учреждений, способных создать качественно иной уровень обеспечения учебного процесса, понятно. А вот выдержат ли такую общественную оценку школы, и что делать, если она окажется неудовлетворительной и накопившееся в обществе недовольство выплеснется в волну судебных исков к школам или их учредителям? Кто и как будет за это платить? Пока зыбкий консенсус между школой и обществом не нарушен. Что будет, если дамба снесёт?

Ясно одно: государство не хочет или, как оно утверждает, не может платить за качественное образование. Все разговоры о нём захлёбываются, когда речь заходит о нормативах, по которым должна обеспечиваться российская школа в целом и её образовательный стандарт в частности. В этих условиях говорить об общественном контроле качества образования — всё равно, что ставить в гонке, где участвуют новенькие «Мерседесы», на старенький «Москвич». Итог очевиден.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВСЕОБУЧА

На педагогическом совете директор раздал каждому из учителей по тоненькой школьной тетради. Не скрою, раскрыв её, я пережил гамму чувств. Не удивительно, ведь произошла встреча с моей педагогической молодостью. Когда четверть века назад молодым специалистом я робко ступил под школьные своды, то первым делом мне вручили такую же тетрадь. Она перешла ко мне от уволившегося предшественника. И затем год за годом я стал обходить квартиры многоэтажного дома на предмет всеобуча. Надо было переписать всех детей, от только что родившихся до закончивших школу, внести в неё произошедшие изменения. То же делали и мои коллеги. Эффективность мероприятия была не высока, да и проводилось оно, как и многое в те годы, формально. За давностью лет признаюсь, что через какое-то время перепоручил процедуру обхода квартир моему ученику, жившему в этом доме.

Всё это продолжалось до конца 80-х годов, а потом наступил момент, когда в начале учебного года мне не вручили привычную тетрадку, и постепенно я забыл о её существовании. Так же, как и о жёстко проводившейся в 70–80-е годы линии, согласно которой школа несла ответственность за каждого покинувшего её ученика. Тогда за этим очень строго следили и отчитывались в вышестоящие органы персональной справкой.

В начале 90-х годов ситуация кардинально изменилась. Ветер перемен, казалось, навсегда унёс такие понятия, как «микрорайон школы», «всеобуч», отчётность школы за судьбы выпускников, ответственность родителей за то, чтобы дети исправно посещали школы. Наставшие перемены объяснялись такими прекрасными словами, как «демократизация», «гуманизация». И действительно, дети получили право обучаться в любой школе, независимо от её территориальной принадлежности. Родители в свою очередь получили возможность выбора. В известной мере всё это действительно привело к положительным сдвигам: появившийся ресурс свободы способствовал развитию конкуренции среди образовательных учреждений, позволил стать на ноги частным школам.

Люди не перестали бы жить вместе, хотя бы разошлись в разные стороны.

Однако отмена «крепостного школьного права», как и водится, оказалась палкой о двух концах. Точно по А.Н. Некрасову «порвалась цепь великая, порвалась и ударила одним концом по барину, другим по мужику». Уже с середины 90-х годов стали нарастать очень серьёзные негативные последствия предоставленной школам вольницы. Свобода выбора школы неожиданно обернулась для родителей тем, что их ребёнка могли вообще никуда не взять, например, если рядом с домом находилась только престижная гимназия. Но и это были ещё цветочки. В условиях тяжелейших социально-экономических потрясений страну стала захлестывать волна детской беспризорности. Количество не посещающих школы детей в различных источниках существенно отличается. Разлёт цифр — от 250 тысяч до 2,5 миллионов

детей. Конечно, наивно обвинять в этом только школу. Но неоспорим и тот факт, что обретенная свобода без ответственности за судьбы учащихся, отсутствие отчетности и возможность исключать учеников из школы способствуют росту беспризорности среди детей. Помню, с какой горечью в начале 80-х годов воспитатели одной из детских колоний рассказывали мне о своих подопечных, имеющих справку об окончании пяти классов и читающих по слогам. Сегодня же никого не удивляют тринадцатилетние подростки, не умеющие ни читать, ни писать и обучавшиеся в школе в лучшем случае один-два года.

Гневные слова Президента России о детской безнадзорности, пройдя через множество чиновничьих ушей, видимо, были услышаны и в органах управления образованием. Там, не долго думая, решили вернуться к уже хорошо забытой старой схеме. В свободное от работы время учителя вновь должны обходить закреплённые за ними дома. Наверное, это не плохо, но уж очень тревожно за молодых и не очень молодых учительниц, ведь никто из чиновников не берётся предсказать, что можно ожидать после звонка в незнакомую квартиру. Да и количество «нехороших квартир» сегодня несоизмеримо выше, чем в семидесятые годы.

Легче держать вожжи, чем бразды правления.

Ещё большие сомнения вызывает эффективность этого мероприятия. Ведь в прошлой нашей жизни на нерадивых родителей можно было повлиять по месту работы, через комиссию по делам несовершеннолетних, да и дети в большинстве случаев всё-таки жили дома. Словом, была система, пусть и малоэффективная, не решающая проблему по существу, но система была... Этим путём изначально пошла и современная власть. С улиц Москвы в течение суток убрали всю армию беспризорников, но — не по домам, которые зачастую находятся за тысячи километров от столицы...

Будем же откровенны и прямо скажем, что московские подростки, которых предполагается при такой подворной переписи рекрутировать в школу, совсем не подарок. Да и как учить их, неграмотных переростков, вместе с благополучными школьниками? Ведь даже и с переписью детей из благополучных семей не всё обстоит просто. Чтобы сегодня не со слов родителей или самих подростков, а достоверно узнать, учится ли ребёнок в школе, надо в каждом городе иметь электронную картотеку с точным поимённым списком учеников всех школ данного населённого пункта.

Другим направлением современного всеобуча становится отчетность. Возвращается Её Величество Справка! Причём — по полной программе! Куда бы ни выбывали учащиеся, директор школы должен теперь представить на них официальный документ. Стоит ли говорить, что это осложнит работу образовательных учреждений, задыхающихся под ворохом бумаг, и создаст почву для неизбежного формализма, а может быть, и подлога.

Впрочем, из этой истории умный директор сможет извлечь некоторую пользу, если сумеет превратить скучную перепись в своеобразную рекламную кампанию по привлечению первоклассников в стены своего учебного заведения. Это не уменьшит опасности вводимого мероприятия, но, по крайней мере, придаст ему хоть какой-то смысл.